

УИЛЛ
Дейн
СЕЛФ

**WILL
SELF**
Claine

УИЛЛ СЕЛФ *Дейн*

РОМАН

Перевод с английского
Сергея Карпова

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С29

This edition published by arrangement with GROVE/ATLANTIC, INC.
and SYNOPSIS LITERARY AGENCY

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Селф, Уилл.

С29 Элейн : роман / Уилл Селф; пер. с англ. С. КАРПОВА. — Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-17-165321-7

Итака, штат Нью-Йорк, середина 1950-х. Элейн стоит у почтового ящика перед домом, думает о своих сыне и муже, преподавателе в престижном университете, и думает с тоской: “Неужели это всё?” Попытавшись раздвинуть жесткие рамки, ограничивающие ее существование, она пускается в гибельную для себя любовную историю, которая положит конец ее браку и разрушит ее жизнь. Роман Уилла Селфа основан на дневниках его матери, которые она вела сорок с лишним лет. Писатель пристально изучает внутренний мир Элейн, напрягает воображение, чтобы воссоздать картину ее жизни.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-165321-7

- © Will Self, 2024
- © С. Карпов, перевод на русский язык, 2026
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
- © ООО “Издательство АСТ”, 2026
- Издательство CORPUS ®

Pour Nelly...

Женщина, которая не может или не желает сносить естественно и без жалоб условия ее услужения, заслуживает того, что случилось со мной.

*Запись из дневника Элейн,
февраль 1956 года*

1

Ноябрь 1955 года

Стоя на Хемлок-стрит, 1100, Элейн думает: вот я на дороге перед своим домом — нашим домом, что я каждый день с любовью обновляю для мужа и сына, которых я люблю... Но неужели это... все? Ее глаза поднимаются от коричневого конверта в руке к открытому почтовому ящику, откуда она его только что достала, — и опускаются обратно: Что толку открывать одно или закрывать другое, если оплачивать этот счет нечем — как и любой другой, что уже мчится за ним вслед.

Элейн не смеет поднять взгляд — но уже ближайшее окружение кажется ей мучительной бездной: пустой участок напротив дома *кишит зеленью* — зловещими волнениями. Шепчет что-то на бодрящем ветру провод над головой — длинный, провисший между столбами. За редкими кустами и отдельными деревьями уходит вниз склон, и там она скорее чувствует, чем видит, озеро.

Билли обожает рассказывать о глубине озера Каюга да сколько в нем миллионов литров прес-

ной воды. Его матери не хочется это слышать — для нее оно просто холодное... *и бездонное*: Эгейское море, откуда ни одному Одиссею не вернуться в свою Итаку... *и к своей Пенелопе*. А наверху? Не *просто небо*, а метафизическое царство, в котором падение мужчины переворачивается, чтобы стать... *взлетом женщины*. Она нащупывает через подошвы тапочек стыки между кирпичами, которыми вымощена дорога, — и призывает в памяти шелковистое касание речных песков в давних летних лагерях: *Шаг чеканит и поет, девчонка из “Кэмп файр”¹ вдалеке иде-ет ...*

Если бы — если бы у нее были худые и гибкие пальцы ног, она бы надежно вцепилась ими в землю. Но таких нет — и она не может, и небо втягивает ее вверх: она чувствует, как изворачивается тело, когда она с помощью вскруженного разума уносится в стылые небеса.

Ты уже не играешь на детских площадках в облаках, упрекает она себя: ты не в Огайо — и даже не в Нью-Йорке и не в Вермонте, а похоронена заживо в пригороде на севере Нью-Йорка, откуда выход лишь один... *еще выше*.

Может, и домишко взлетит вместе с ней — вот эта деревянная камера, где она заточена. Камера миленькая, по крайней мере снаружи — но что в том проку? Цвета камеры не видно, если день-деньской сидишь в ней взаперти. И вдруг она взывает: И это все? Это, сука, все?!

¹ *Camp Fire* (осн. 1910) — первая в США нерелигиозная организация для девочек, ее участники носят зеленые галстуки и занимаются всем тем же, чем бойскауты или пионеры: походы, общественные работы и т. д. *Здесь и далее прим. перев.*

Непристойность, думает Элейн, — это волосатая нога, которую муж сунул ей между ног в прошлый раз, когда хотел... *взять меня*. А потом держался за нее — хотя явно не для надежности, ведь надежности не найти в зыбучих песках ее несчастного бытия. *И это все?*.. Более того, относится ли “это” все к одному и тому же предмету: ее жизни, полной того, что нужно протереть, обмахнуть и привести в порядок. Заплести, взбить и *дать*?..

Нет толку говорить об этом — но она все равно говорит, теперь вслух, и от полной пачки, выкуренной вчера, плюс четырех-пяти сигарет уже с утра голос ее — между хрипом и криком: Неужели... пик успеха... для меня... это выполнять работу... домохозяйки?

Ее слова — уже *сырые и серые* — воспаряют в осеннее небо. В этот самый миг к своему почтовому ящику выходит Эвелин Тейт, которая проживает в пятидесяти ярдах дальше по улице и которую — безо всяких на то оснований, не считая того, что она крашеная блондинка и носит такие блузки, — Элейн считает за распущенную. Та открывает ящик и достает манильский конверт с прозрачным окошком: ...*ее собственный просроченный счет*, — потом чуть склоняется в сторону Элейн, бледные губы складываются в форму, которая ассоциируется со словом *привет*.

Очевидно, меня она не слышала.

И тогда Элейн повторяет: Неужели... пик успеха для меня... это выполнять... в-выполнять... работу д-домохозяйки?

Истерика нарастает — и, когда хлопает сетчатая дверь в доме Эвелин Тейт, Элейн повторяет в третий раз: Нежели... пик успеха... для меня... это выполнять свою работу домохозяйки? Каждый отрывок отделен тяжелым вздохом — но неважно, быстро ли она лепечет и глубоко ли дышит, паника ее уже одолела: Сейчас упаду в обморок, думает она, а потом меня вознесет в небо, и чертова ночнушка сползет до плеч... И в последний раз меня увидят так же, как в первый: с голым задом, в ожидании шлепка.

Из какого-то прилежного и неважного уголка мозга ползет-выползает такая паучья мысль: *Великий комплекс ассоциаций, необходимых для исцеления травмы, утратил свою силу...*

И когда мысль прячется в щелку внутри нее, Элейн оказывается в том, что они называют передней комнатой, и в тысячный раз думает: называли бы салоном, если бы могли поддерживать такой уровень претензий, или жилой, если бы они отказались от всех притязаний на лучшую жизнь.

Ее взгляд мечется по затасканным декорациям, внутри которых они разыгрывают свои бессмысленные сценки: вышивка бисером Билли лежит на розовом кожаном пуфе, что они таскают с собой с самого Мадисона. Элейн помнит, как его покупали в комиссионке у зоопарка, куда они с Джоном ходили смотреть барсуков — потому, что раньше еще их не видели и даже не представляли, как они выглядят, и потому, что символом университета был барсук...

Выглядели они чертовски уныло в своей пустой холодной клетке — а вот пух, который Джон затем купил, чтобы поднять ей настроение, скоро стал хранилищем его заметок теми вечерами, когда он садился работать в мягкое кресло рядом. Стал и до сих пор остается — и, всматриваясь в неразборчивый почерк, Элейн думает: как это забавно, что он уже так долго увлечен эпической поэмой, написанной триста лет тому назад, — поэмой, где повествуется о великой битве Бога и Сатаны во всем космосе за самую душу человечества, — тогда как здесь в его собственный двор... *заполз змей*.

Существа скользкие... мелкие... волосатые — быстрые и непредсказуемые в движениях. В лучшем случае действуют вслепую, в худшем — нарочно целятся в глаза, рот, волосы... *внизу*. Если метафоры — это выдумки, то *поэзия* — *делирий*...

Что забавно, да — но забавно в смысле “любопытно”, а не в смысле “ха-ха”.

Ха-ха! У Элейн рвется горький смех, *горький, как коровья жвачка*... бедная домашняя корова жует, прибираясь по дому.

Элейн берет бисер и убирает в красочную мексиканскую чашу, которую Джон купил ей в Покипси в тот день, когда они возвращались на машине из Нью-Йорка и у нее случился такой *crise de nerfs*¹, что ему пришлось остановиться на главной улице и, тоже в откровенной панике, расспрашивать первого встречного, а потом и еще нескольких, чтобы выведать имя и адрес местного врача.

1 Нервный срыв (*фр.*).

Элейн помнит, как свернулась калачиком и всхлипывала под приборной доской, с каким трудом мужу пришлось ее оттуда извлекать. Помнит она и приемную врача — которая была семейной гостиней... *уже больше одного поколения*: в углу ей отчетливо цокали языком напольные часы; на полосатых тисненых обоях висели желтеющие гравиюры меццо-тинто, в облезающий ворс диванной бархатной обшивки вплелась кошачья шерсть. Это ее успокоило: чтобы вылечить распущенную бабу, нужен муж такой же неряхи.

Когда через несколько минут вошел врач, прервав свой обед и аккуратно утирая пухлые руки льняной салфеткой с монограммой, он уже начал нравиться Элейн. Звали его Розенблум...

...и она, съезжившись всем высоким телом в маленькое кожаное кресло, прорыдала обо всем — вскидывала к нему страшное лицо от своих страшных кулачков, рвала свои страшные каштановые кудри, — пока врач не взял ее за руки твердо, но с силой, и... *я разом сдулась*.

Там гоняли мяч дети на пустой площадке за домом — впечатляющей старинной машиной: флероны и флюгер-петушок поверх башенок поверх эркеров поверх веранд. В любое другое время Элейн бы отколола острогу в духе, скажем: Добрый народ Покипси явно болен, раз готов вам платить, — но явно не настолько болен, раз может платить столько!..

Как и говорят люди, когда они нормальны и нормально общаются.

Элейн помнит, как под открытым окном хрипел стерилизатор, пуская облачка пара, которые

мешались с детскими криками. Когда доктор Розенблюм закатил рукав ее блузки, чтобы сделать укол, Элейн вновь сомлела от нежности его прикосновения.

Он начал: Вы регулярно принимаете милтаун, верно, миссис Хэнкок? В таком случае вам, пожалуй, лучше отложить его на денек-другой — это довольно сильное средство...

Успокоенная, убаюканная, Элейн плелась позади мужа, пока они подыскивали какой-нибудь сувенир в память об этом странном случае: *Красно-желтая мексиканская чаша? О, мои родители покупали такую же в честь завершения истерического припадка моей мамы...*

Прием доктора Розенблюма обошелся в четыре доллара, чаша — еще в два пятьдесят. После пары чашек кофе с сэндвичами незапланированная остановка стоила им около десяти долларов... *и мы, как водится, не могли себе этого позволить*, и поэтому, вернувшись в “бьюик”, Джон рывкнул:

В следующий раз бери чертовы таблетки с собой, поняла?

Стоя в их гостиной полтора года спустя, Элейн смотрит на лежащий в чаше нанизанный бисер сына и горько размышляет: У меня ничем не выдающаяся семья, и сомневаюсь, что сама смогу чем-то отличаться. А родители — все лишние силы, какие у них оставались, расходовались на стирание своих отличий вместе с еврейским наследием — прямо как когда домохозяйка берется за гадкие бурые пятна в чертовой кастрюле...

Гадкие бурые пятна в кастрюле. На кухне ждут кастрюли — те самые, с гадкими бурыми пятнами.